

1.

Продолженье вечной темы,
Общей драмы и зимы
В дни, где помнить будем все мы
Света рвение и тьмы.

Снова жертвой стало время
На юдольном алтаре,
Чтоб немислимое бремя
В каждом пряталось ребре.

Торопились, пропадали,
Всё же выжили — и вот
То, о чём и не гадали,
Кровь отравленную пьёт.

Утоли мои печали,
Припади-ка к роднику,
Где когда-то мы встречали
Всё, что сгинет на веку.

Фантастическое проще
Всей реальности прямой —
Чьи-то ссохшиеся мощи
Так и просятя домой.

И когда найдём однажды
Грань меж чуждым и родным,
То поймём истоки жажды,
Зреньем подняты иным.

2.

Вспомни и воскреси
Час в синеве и хмари
С морем в глухом угаре,
Шедший вокруг оси.

Вспомни и пронеси
Дар свой сквозь все преграды —
Рая восторг и ада
Горечь в пути вкуси.

Вспомни и припаси
Радости хоть немного,
Ибо она — от Бога,
Выстрадай и спаси.

Как бы тебя узнать,
Ждущий меня в грядущем?
Честь и хвала идущим,
Крепость и благодать.

3.

От гиблого шёлка
Пропавших знамён —
Ни духу, ни толку, —
А нужен ли он?

Что, место не свято?
Что, суть непроста? —
Ни злака, ни злата,
А так — пустота.

Кровавая каша,
Круги на воде:
Где ваши и наши?
Неведомо где!

Ни звука, ни взгляда,
Ни слова в ночи, —
Не надо, не надо,
Сдержись и молчи.

Так что же ты знаешь
О том, что прошло?
Ты вновь поднимаешь
Над лодкой весло.

И птица над нами
Расправит крыла —
Как будто меж снами
Зарница взошла.

4.

Водолей, ты мой оберег старый
На дорогах юдольных, в глуши,
Где когда-нибудь мерой и чарой
Станет эра твоя для души.

Во пределах земных и небесных
Ты восходишь над гущей людской.
Ты незримо присутствуешь в безднах,
Дышишь светом из глуби морской.

Овеваемый всеми ветрами,
Несусветных не требуя благ,
Поневоле участвую в драме
И к трагедии делаю шаг, —

Ибо хрупок у нашей свободы
Неустойчивый, рабский хребет —
И шатаются стены и своды,
И народа великого нет,

И мнутся умы запоздало,
И сутулятся молча холмы,
И разруха спешит от вокзала
На окраину долгой зимы.

И, вкусив от покоя и воли,
Непростую приветствуя суть,
Пусть в ней поровну боли и доли,
Небывалый предчувствую путь.

5.

С востока свет на запад перешёл—
Скитальцу, видно, некуда деваться,
Как только дожидаться, расставаться—
Ну вот и стал он скуден и тяжёл.

Мелодия вдогонку прозвучит
И сразу оборвётся торопливо—
И смотрим вслед, нахмурившись пытливо.
А свету что?—уходит да молчит.

У моря суть по-прежнему одна,
И с истиной ему куда сложнее,
Чем нам,—да, впрочем, утро мудренее,
А там надежда, может, и видна.

Знать, не в последний раз передо мной
Ты, Богом вдохновлённая стихия,
Свободная—наверно, не впервые,
Но связанная с мукою земной.

6.

Встанешь рано—и видишь в окошке
Серебристую тройцу гор,
И на ощупь берёшь по оплошке
То, что с давних заброшено пор.

Сон ли это, листок ли измятый
С быстрой записью канувших лет?
Пахнет Летой—и, может быть, мятой
Этот шорох воздушный и свет.

У тебя что ни миг, то влеченье,
Слышен рокотом веющий брег—
И, погаснув, летят огорченья,
Словно спички, на гибнущий снег.

Даже сердце разбужено снова—
Оживаешь, вздыхаешь,—и всё ж
За пределами круга родного
Различаешь, где правда, где ложь.

Знать, земное дороже и ближе
Всех чертогов чужих обжитых—
И растерянно смотришь—гляди же!—
На обрывки наветов пустых.

7.

Снова солнце—сколько в мире благ!
А теплу, пожалуй, нет предела!—
Белизна заброшенных бумаг
Под лучами словно порыжела.

Значит, жить—и в тающем снегу
Серебра увидеть отраженье,
Различить в густеющем кругу
Вязкой почвы смутное броженье.

Только всё же чувствуется вдруг
Вдоль хребта холодное струенье—
Это ветер движется вокруг,
Словно память о сердцебиенье.

Разве все исхожены пути
И сегодня некуда податься?
Этот день с восторгом обрети
И попробуй с грустью разобраться.

Жаль, что нет надежды у меня
На решение скорое задачи—
Той, что вся исполнена огня
И пребудет так, а не иначе.

Наступает время для зеркал,
Для игры без маски и без правил
Здесь, где ты, рискуя, расплескал
Всё, что встарь на доньшке оставил.

8.

Как лёгок на помине он опять!—
Тот год ещё пытается вернуться,
Ершиться, напоследок огрызнуться,
Висок сжимать, на пятки наступать.

Надежды уничтожив на ходу,
Он вымотал всю душу мне когда-то—
Но сокрушить всё то, что было свято,
Не смог, хоть и грозил, как на беду.

И я дышал и чувствовал обман,
Уже сквозящий рощами нагими,—
Не знаю, что случилось бы с другими,
Но выжил я, хоть столько было ран.

О, где оно, столь нужное теперь
Умение предчувствовать утраты,
Когда щедроты, может, и крылаты,
Но зло скользит в незапертую дверь?

И вот уже, наверное, могу
Сказать о том, что близится решение
Шагнуть вперёд,—отринута крушенья,
И вновь я перед веком не в долгу.

И горя отдаляется обрыв,
И вглядываюсь в годы я пытливо—
И голову подьемлю молчаливо,
Всем тем храним, чем въявь доселе жив.

9.

Где в жилах выплеска сегодня заждалась
Кровь половецкая, таимая веками,
Страны утраченной закаты над степями
В себя вобравшая,—не просто ведь влилась

В славянскую, но, вспенив, разбудив
Её дремоту, пахнущую мёдом,—
Земля моя, представ пред небосводом,
Защиты ждёт—и взгляд её правдив.

Где всякой невидали вдоволь—и зима
Ещё пытается в событиях разобраться,
Хотя увиденное может оказаться
Ещё бессмысленней, вконец свести с ума,
А то и хуже,—то-то в каждый дом
Сквозит украдкой холод оружейный,
Иглою позвонки пронзает шейный
Под утро боль—поднимешься с трудом,

С трудом поднимешься,—не вам ли говорю,
Сады окрестные?—и выглянешь в окошко,
И видишь только снежную окрошку,
Дорожку старую, да зыбкую зарю,
Да свет с востока,—нет, я различаю
Иное—знаменья ли это?—сожжены
Мосты непрочные,—вопросы не нужны—
Я сын без родины—устало понимаю.

10.

Кто труды твои днесь разрешит
Показать только верным и близким?
Всё, что с натиском свет совершит,
Будет связано всё-таки с риском.

Он не хочет, чтоб ты разгадал
Это слишком наивное рвенье,
Словно гул, заполняющий зал,
Услыхал бы весны дерзновенье.

Слишком рано ещё—и тепла
Полновесного вряд ли дождёмся,
Прислонясь к перемычке стекла,
Где весёлому солнцу смеёмся.

В сердцевине ищи февраля
Этот сдвиг, этот знак поворота
К той поре, где уйдёт, не юля,
Холодов запоздалая нота.

Партитуру округи открой,
Что ещё не пылится в забвенье,
Призови же своею игрой,
Словно вести, с небес дуновенье.

Сын гармонии, музыки брат,
Стань с годами внимательней, что ли,—
Нет, отзвучившей стань во сто крат
К назревающей с волею боли.

11.

Крепнет голос петушинный
На приволье по утрам,
Шорох пиршества мышинный
Затихает по дворам.

Каждый миг свои заботы
У живущих на земле—
Не во множестве щедроты,
А в единственном числе.

То-то каждому даётся
Путь единственный сквозь дни,
Где немногим достаётся
То, что нажили они.

Только выжить бы покуда,
Только б ночь скоротать—
Видно, времени причуды
Стали помыслам под стать.

И ступают осторожно
Вдоль по глине, по меже,
Чтобы свидеться, возможно,
На последнем рубеже.

Там раздоры, там разделы,
Там всеобщая беда—
Но своя рубашка к телу
Ближе, стало быть, всегда.

12.

Лоза прислонилась к стеклу,
Стекло, помутнев, запотело,—
Хотя бы от бед похвалу
Душа услышать захотела.

Ведь всё-таки стойкость при ней,
Пусть прежде вслепую металась,
И утро всегда мудреней,
Но с ним и сильнее усталость.

И спаяны тело и дух
Какою-то силой особой,
Чтоб в мире дышать мне за двух—
Но ты подражать и не пробуй.

И если чутьё мне дано
От Бога на свет и на слово,
То сызмала, значит, оно
К лишениям и жертвам готово.

Недаром, рождённое петь,—
Надорвано горло с годами—
И надобно выжить суметь,
Чтоб дни укрепились трудами.

Когда же сквозь мрак над страной
Сиянье взойдёт Водолея—
То встретятся люди со мной,
О долгом пути не жалея.

13.

День может стосковаться по цветам—
Он помнит всё, хоть груз такой не важен,—
И бродит здесь, чтоб высказаться там,
Где прочен шум и дальний гул протяжен.

Чтоб вырасти нежданно перед ним,
Пичужий щебет ширится и льётся—
И седина чредой прошедших зим
В горах окрестных еле узнаётся.

Немало всё же было, согласись,
Угаданного, зримого заране,—
И эта глубь, вся—вдруг, и эта высь,
Ещё вот здесь—но вновь уже на грани.

Оставленное мною на потом
Себя не выдавало ль с головою—
И мыслью обвивало, как жгутом,
В кругу пространства древо мировое?

И вот она, заждавшаяся ширь,
Где знаки породнились с письменами,—
И звуку впрямь не нужен поводыр,ь,
И злаку явь открыта временами.

Когда же чувствуешь то, чего понять
Ещё нельзя, но выразить возможно,
Весь мир как есть готовишься принять
И ринешься вперёд неосторожно.

14.

К югу и за холмы,
За перепады кряжей,
С умным лицом зимы,
С тысячью персонажей,
Стоптаных башмаков,
Сорванных капюшонов,
Сталкиваясь, толков,
Ветер летит со склонов.

Балка, пещера, щель—
Всё для его свирели,—
В яблочко, в сердце, в цель,
Чтоб доказать на деле,
Что неспроста знаком
С гаммой своей, с азами,
С облачным молоком,
С поднятыми глазами.

Как это он успел
Власть наиграться, зная,
Что не напрасно смел,
Сор на пути сметая,
Что, проторив тропу,
Выдув подобье шара,
Грохнет с небес в толпу
Тяжесть такого дара?

Будет ещё блажить,
Струны перетирая,
Где обречён прожить,
В жилы простор вбирая,
Где ни к чему, пойми,
Чей-то огонь бенгальский,—
И, молчалив с людьми,
Ветер летит февральский.

15.

Вне страдания и свиданья
Мы не встретились бы сейчас,
Ожидание—оправданье
Той надежды, что въявь сбылась.

Торопилось уйти, что было
Слишком тяжким для нас двоих,
Что уже ничего не скрыло
Из грехов и подобию их.

Было с дымом колечко свито,
Ну а выпало—золотым,
Да и со свету мы не сжиты
Всем, что стало и впрямь пустым.

Ни за что нам никто не скажет,
Что случилось и что влекло,
Что кручёною нитью свяжет
Слово чуткое и число.

Подожди—я с тобою вместе
Поброжу по холмам весной.
Уж не счастье ли—честь по чести
Причаститься любви земной?

16.

Вздохнуть бы о прошлом,
Да что ему вздох?—
Меж пришлым и дошлым
На грани эпох
Ненужным и лишним
Упрямо стою—
И ведомо вышним,
О чём я спою.

Но слишком известно,
Что песня и боль
Всегда поднебесны—
И вкривь, а не вдоль,
При доме—вне дома,
Вне правил и благ,
От смуты и дрёмы—
На пядь иль на шаг.

И слишком знакомы
Приметы беды—
От зимнего грома
До талой воды
Легло расстоянье
Без троп и дорог,
И слава—за гранью,
Свидетелем Бог.

Да много ли надо?—
Лишь выйти, пойми,
Из чуда и сада
Для встречи с людьми!—
Когда бы не слово,
Что сделал бы я
Для света и зова
В кругу бытия?

17.

Подморозило—и пригрело,
Передумало, привело
Всё, что ночью в саду скрипело,
Ну а в полдень глядит светло.

Не растаяло, не пропало
Всё, что к прошлому тянет след,—
Жилы жалости, ржави жала,
То ли взбухшие, то ли нет.

В этом роде ли?— в этом роде,
В этом ракурсе и стыде,
В давних помыслах— то о броне,
То о таинстве и звезде.

Призадумалось— и забилося,
Взяв наперсником под крыло,
Не надеялось— но явилось,
Озадачило и ушло.

18.

Не для тебя,
Не для меня—
Всё возлюбя
Или кляня,—
Или храня
В темени лет,
В семени дня
Имя и свет.

Утихомирь
Пыл свой, птенец:
Времени ширь—
Делу венец;
И наконец
Выбери сам
Путь свой, гонец,
По небесам.

Но для земли
Сердце оставь—
Здесь и вдали
Веру прославь;
Не прекословь
Зову с высот—
Всюду любовь
Душу спасёт.

19.

Узнаёшь ли скитаний огни,
Различаешь ли нынче хоть малость
Этих лет, что с тобой искони,
Ну а с ними печаль и усталость?

Не влекут они больше— вотще!
Может, кровь разогрев по старинке,
Выйдешь к морю в шуршащем плаще
По широкой хрустящей тропинке?

Всё, что вспомнишь, свободно твердя,
Может, всё же приветишь нежданно—
То ли шум проливного дождя,
То ли с неба упавшую манну?

Может, всё-таки встретишь ещё
То, что время, косясь, пощадило,
Чтобы тяжесть легла на плечо,
Но ничем тебе впредь не вредила?

Скажешь нежности: ты-то со мной!—
Свежесть ветра, безумье, безлюдье,
Всё, что молча прошло стороной,
Чернокнижья корявые прутья,

Запах сонный, сиреневый вал,
Что обрушивал страсти лавиной,—
Всё, что в юности всё же знавал,
Что спаслось— и явилось с повинной.

20.

Я вернуться хочу туда,
Где окно в темноте горит,
Где журчит в тишине вода
И неведомый мир открыт.

Я вернуться туда хочу,
Где свечу иногда зажгут,
Где и ночью тепло плечу
И сомнений слабеет жгут.

Я вернуться туда бы рад,
Потому что и ключ, и речь,
И рачительный свет, и лад
Смогут душу мою сбересть.

Я вернуться бы рад туда,
Потому что и клич, и плач
Будут рядом со мной всегда,
Будет голос мой жгуч и зряч.

Будет слух тяготеть к лучу,
Будет крепнуть с минувшим связь,
Где к луне до сих пор лечу,
А над нею звезда зажглась.

Подожди меня, рай, поверь,
Что с тобою давно светло,—
Потому и могу теперь
Поднимать над бедой крыло.

21.

Не случайно будешь ты жить
Здесь, где век завершает путь,
Чтобы птицам в небе кружить,
Запах гари вбирая в грудь.

Не напрасно будешь дышать
В дни хаоса, когда пора
Что-то всем понять и решать—
Не для худа, а для добра.

Был ты в слове всё-таки смел,
Стал теперь на подъём тяжёл—
И ещё остаёшься цел,
Отрешась от жал и от зол.

Миновали, видно, года,
Где довольно было тепла
Для того, чтоб в небе звезда
Над землёй беспечно взошла.

Закалён в горнилах твой дух,
Почва семени ждёт с весной,
Жаждет зренья крепнущий слух,
Осязанья—голос ночной.

Жилы кровью полнятся вновь,
Рядом плещется вал морской,—
И спасеньем станет любовь
От ненастной смуты людской.